

УДК 398.224

DOI 10.25587/e4294-4960-9721-z

Т. А. Кобыратбай

Международный казахо-турецкий университет имени Х. А. Ясави

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЭТНИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ ГЕРОИЧЕСКОГО ЭПОСА

Аннотация. На протяжении всего XX века в фольклористике доминировал так называемый поэтический метод, который занимался определением художественной системы героического эпоса. Вместе с тем все чаще ставился вопрос об отношении эпоса к историческим событиям прошлого. Многие фольклористы и историки, в лице С. Н. Азбелева, Л. И. Емельянова, Н. И. Кравцова, А. А. Петросяна, М. М. Плисецкого, Б. А. Рыбакова начали разрабатывать проблемы историзма в русских былинах. На этой почве в середине 1960-х гг. вспыхнули научные дебаты вокруг этой проблемы – историзма героического эпоса. Несмотря на полемический характер, суждения многих фольклористов оказались на стороне исторического изучения былин. Такая постановка вопроса, с учетом посмертно изданного труда «Эксперимент в теории и историю славянского эпоса» (1999), оказалась не чуждой самому Б. Н. Путилову, который усердно разрабатывал типологическую теорию. В своих поздних изысканиях автор несколько отошёл от изначальной позиции. На широком фоне исторического изучения былин фольклористы пошли ещё дальше, вычленив сведения этнического порядка в героическом эпосе.

Цель настоящего исследования – определение этнического характера героического эпоса с учетом методологических достижений фольклористики конца XX и начала XXI веков.

Актуальность данного направления заключается в том, что несмотря на многочисленные этнонимы, топонимы, гидронимы, антропонимы и т. д., отраженные в героическом эпосе, они долгое время оставались в тени. Историки, опиравшиеся только на достоверные факты, игнорировали подобные сведения, а фольклористы, в свою очередь, считали их объектом историков. Поэтому научно-познавательный процесс подменялся суждением о личном вкладе эпических сказителей, якобы внесивших этническую номенклатуру в героический эпос.

С распадом СССР были сняты многие идеологические запреты, связанные с этнической природой казахского эпоса. Это позволило отдельным учёным постсоветского пространства приступить к разработке этнических истоков героического эпоса. Были опубликованы соответствующие материалы, в том числе на страницах настоящего журнала, направленные на изучение этнических сведений в казахском эпосе. Отныне этнический характер эпоса не вызывает больших разногласий. В казахском эпосоведении эта проблема стала разрабатываться более глубоко, с использованием методов исследования фольклористики, этнографии и этнологии.

В статье приводятся новые сведения и суждения отдельных исследователей методологического порядка. Наряду с общеизвестными трудами вышеуказанных фольклористов в научный обиход вовлекаются герменевтические суждения А. М. Эткина. Обращено внимание на информативную сущность героического эпоса, определены познавательные возможности синхронного и диахронного методов исследования. Подытоживая материал, автор приходит к заключению, что без этноса нет героического эпоса, а без этнического процесса – эпической традиции.

Ключевые слова: эпос; героический эпос; диахронный; синхронный; историзм; ономастика; поэтика; этнос; этнический характер; этническая номенклатура.

КОНЫРАТБАЙ Тынсыбек Ауелбекұлы – доктор филологических наук, профессор филологии и искусствоведения, профессор Международного казахо-турецкого университета имени Х. А. Ясави, Туркестан, Казахстан.

E-mail: tynysbek55@mail.ru

KONGYRATBAY Tynysbek Auelbekuly – Doctor of Philological Sciences, Professor of Philology and Art History, Professor of International Kazakh-Turkish University named after H. A. Yasavi, Turkestan, Kazakhstan.

E-mail: tynysbek55@mail.ru

Т. А. Kongyratbay

Some problems of ethnic study of the heroic epic

Abstract. Throughout the 20th century, folkloristics was dominated by the so-called poetic method, which was engaged in determining the artistic system of the heroic epic. At the same time, the question of the attitude of the epic to the historical events of the past was increasingly raised. Many folklorists and historians, represented by S. N. Azbelev, L. I. Emelyanov, N. I. Kravtsov, A. A. Petrosyan, M. M. Plisetsky, B. A. Rybakov, began to develop the problems of historicism in Russian epics. On this ground in the mid-1960s, a scholarly debate broke out around this problem: the historicism of the heroic epic. Despite the polemical nature of the judgment of many folklorists, they were on the side of the historical study of epics. Such a statement of the question, taking into account the posthumously published work “Excursions into the theory and history of the Slavic epic” (1999), turned out to be no stranger to B. N. Putilov himself, who diligently developed typological theory. In his later research, the author somewhat moved away from the original position. Against the broad background of the historical study of epics, folklorists went even further, distinguishing information of the ethnic order in the heroic epic.

The purpose of this study was to determine the ethnic nature of the heroic epic, taking into account the methodological achievements of folkloristics of the late 20th and early 21st centuries.

The relevance of this direction is that despite the numerous ethnonyms, toponyms, hydronyms, anthroponyms, etc., reflected in the heroic epic, they remained in the shadows for a long time. Historians, relying only on reliable facts, ignored such information, and folklorists, in turn, considered the object of historians. Therefore, the scholarly and cognitive process was replaced by a judgment on the personal contribution of epic storytellers who allegedly contributed ethnic nomenclature to the heroic epic.

With the collapse of the USSR, many ideological prohibitions related to the ethnic nature of the Kazakh epic were lifted. This allowed individual scientists of the post-Soviet space to begin developing the ethnic origins of the heroic epic. Relevant materials were published, including on the pages of this publication, aimed at studying ethnic information in the Kazakh epic. From now on, the ethnic nature of the epic does not cause much disagreement. In Kazakh epic studies, this problem began to be developed more deeply, using methods of studying folkloristics, ethnography and ethnology.

The article provides new information and judgments of individual researchers of the methodological order. Along with the well-known works of the above folklorists, hermeneutic judgments of A. M. Etkind are involved in scholarly use. Attention was drawn to the informative essence of the heroic epic, the cognitive possibilities of synchronous and diachronic research methods were determined. Summing up the material, the author concludes that without an ethnic group there is no heroic epic, and without an ethnic process – no epic tradition.

Keywords: epic; heroic epic; diachronic; synchronous; historicism; onomastic; poetics; ethnos; ethnic character; ethnic nomenclature.

Введение

Героический эпос казахского народа – явление самобытное. Изучением его художественных особенностей занимались многие ученые старшего поколения, включая имена ведущих фольклористов – В. Я. Проппа, В. М. Жирмунского, А. К. Боровкова, Б. Н. Путилова, А. Х. Маргулана, А. К. Кобыратбаева и др. Научные достижения фольклористики советского периода можно сгруппировать вокруг таких познавательных подходов, как поэтическое и историко-типологическое. Историографические аспекты этой проблемы нами были освещены несколько ранее [1].

Несмотря на то, что в мировой фольклористике все эти направления функционируют равнозначно: труды В. Я. Проппа, Б. Н. Путилова – с одной стороны, исследования А. Н. Веселовского, В. П. Аникина, А. А. Петросяна – с другой, работы Б. А. Рыбакова, М. М. Плисецкого, Л. И. Емельянова – с третьей, в казахском эпосоведении долгое время доминировало в основном поэтическое направление, которое, опираясь на художественно-поэтическую систему, в некоторой степени игнорировало этнический характер героического эпоса. Ввиду того, что ведущими учёными не разрабатывался вопрос об этническом характере русских былин, казахские исследователи также не уделяли соответствующего внимания этой проблеме. Между тем казахский эпос заметно отличается от русских былин обилием ономастических наименований этнического характера.

Это говорит о том, что изучение историко-познавательной сущности эпоса – не догма, а научное направление, связанное с жанровыми особенностями героического эпоса. Затрагивая методологические аспекты этой концепции, А. М. Эткинд пишет, что «новый историзм – история

не событий, но людей и текстов в их отношении друг к другу. <...> Через текст с его историей видна история как таковая, иногда обобщенно, иногда в мелочах. Степень увеличения и охвата зависит от силы текста и еще – от силы чтения» [2, с. 7, 12].

Цель настоящей работы – обратить внимание на многочисленные сведения этнического порядка в казахском героическом эпосе и на основе методологических достижений фольклористики конца XX в. выдвинуть перед исследователями новые проблемы эпосоведения. Казахский героический эпос изобилует этническими сведениями, там очень много этнонимов, эпонимов, топонимов, гидронимов и антропонимов, которые должны быть изучены с позиции этнологии. Историки советского периода, как известно, опирались только на достоверные факты, а фольклористы, воспринимавшие героический эпос как художественное явление, не осмелились осветить эту проблему в русле этнологии. Среди фольклористов преобладало мнение о том, что каждый эпический сказитель вносит в сказание информацию личного характера. Отсюда чрезмерное выпячивание роли эпических сказителей, якобы вносивших этническую номенклатуру в героический эпос.

Долгое время видные фольклористы придерживались мнения, будто героический эпос – явление художественное [3]. На этой почве вся ономастическая номенклатура, встречающаяся в эпосе, воспринималась ими как вымысел, отдаленный от жизненных реалий, живого историко-этнического процесса. Однако, ссылаясь на герменевтические суждения того же А. М. Эткинда, можно заметить, что многое зависит от отношения исследователя к тексту. «“Сильный читатель” имеет собственный словарь, который он вкладывает в тексты, давая им свои сильные чтения. <...> Успех имеет такое чтение, которое отвечает центральным проблемам современной ему культуры» [2, с. 40].

Изучение этнического характера казахского героического эпоса продиктовано не только теми сведениями, которые лежат на поверхности, но и определением скрытых форм этнонимов, эпонимов и антропонимов. Несмотря на отсутствие этнологического метода исследования в фольклористике, сведения этнического характера нуждаются в научном пояснении. В этом и заключается актуальность настоящей работы.

Методологические аспекты

Многие наши фольклористы при изучении казахского героического эпоса опирались на методологические достижения русских учёных. При этом упускали из виду особенности наиболее популярных русских былин, в которых полностью отсутствуют сведения этнического порядка. Отсюда преобладание поэтического подхода в исследованиях не только казахских, но и ученых центрально-азиатского региона.

Конечно, не все образцы казахского эпоса соотносимы с этническим процессом. Однако в героическом эпосе нетрудно обнаружить следы этнической истории, которые могут быть изучены с позиции принципа историзма в науке. Историко-сравнительный метод, основную причину которого В. М. Гацак видел в одностороннем художественно-познавательном подходе к изучаемому объекту [4, с. 3], не способен объяснить природу этнических сведений, попавших в казахский героический эпос. Этим обуславливается необходимость в более углубленной разработке методологических проблем эпосоведения. Только историко-этнический подход к проблеме способен преодолеть тот застой, который укоренился в эпосоведении советского периода. Немало эпосоведов, которые по сей день ограничиваются концепциями, высказанными еще на рубеже 1950–1960-х гг., будто эпос создаёт свою художественную действительность. Эти исследователи мало занимаются проблемами обогащения методов исследования, внедрением методологических достижений этнологии, этногеографии, этнической истории и ономастики в фольклористику. Игнорируя достижения представителей исторической фольклористики в лице С. Н. Азбелева, Н. И. Кравцова, А. А. Петросяна, М. М. Плисецкого и др., они утверждали, что эпос – явление литературное, следовательно, словесное. Достаточно сказать, что подобный консерватизм, огульно отвергающий историзм эпоса, далёк даже от всемирно признанного определения термина «фольклор», выработанного на совещании правительственных экспертов по сохранению фольклора при ЮНЕСКО, состоявшемся в Париже 1 марта 1985 г. [5, с. 8].

Односторонне типологический подход ничего не вносит в изучение этнической природы героического эпоса. Увлечённые этим направлением учёные не подозревают, что их изыскания,

в определённом смысле, имеют компилятивный характер, ибо на теоретико-методологическом уровне они представляют собой лишь повторение и приспособление приемов типологического метода к природе казахского героического эпоса. По этой причине отдельные казахские учёные придерживались мнения, будто героический эпос – истина художественная [6, с. 95–96]. Некоторые даже не хотят мириться с тем, что в фольклористике могут сосуществовать несколько научных направлений.

Фольклор – явление полифункциональное. Здесь мало пригодны научные гипотезы, вытекающие лишь из художественно-поэтических особенностей героического эпоса. Изучение эпоса в историко-этническом аспекте – вот что актуально на современном этапе эпосоведения. В противном случае из поля научного познания выпадают такие важные компоненты эпоса, как его историзм, этническая и географическая принадлежность к какому-либо этносу. Односторонне художественный подход не может быть результатом всеобъемлющего изучения эпоса, следовательно, результатом абсолютного научного познания.

В героическом эпосе казахского народа немало типологических черт: сходств мотивов и сюжетов, обычно выдаваемых за своеобразие поэтики эпоса. Но это лишь одна сторона вопроса. Тогда как художественная и историческая сферы эпоса несут разные функции, которые, по словам В. Е. Гусева, в отдельности объяснить специфику героического эпоса не могут.

Надо учесть, что степень отражения этнической истории в эпических сказаниях неодинакова. Тем не менее, этнические истоки героического эпоса заслуживают внимания, ибо этно-географическая номенклатура, содержащая многочисленные сведения историко-этнического порядка, все ещё остаётся вне научного познания. Это ощущается при попытке изучения ономастических наименований, которыми изобилует героический эпос. Следовательно, не только мотивы и сюжеты должны быть объектом научного познания, но и антропонимы, этнонимы и топонимы. Многие личные имена, включая и историко-географические наименования, попадают в эпос под непосредственным влиянием этнического сознания, для которого чужды элементы фантазии и художественности. И считать это проявлением типологии, а не реальной истории, малоубедительно. Достаточно сказать, что наименования казахского героического эпоса «Алпамыс» и «Кобыланды» – это антропонимы, образовавшиеся на почве этнонимов. Этнический характер казахского эпоса наблюдается в огузском эпосе «Книга моего деда Коркута», «Алпамыс» и «Кобыланды» – эпических сказаниях отдельных тюркоязычных племен: огузов, коньратов и кипчаков. Принадлежность вышеуказанных сказаний к названным этническим группам наблюдается во всех существующих версиях и вариантах, и вряд ли это можно считать историко-типологическим соответствием. К тому же этническая принадлежность каждого эпического сказания устойчива и неизменна.

Отношение фольклора к истории рассматривалось в работах В. И. Абаева, С. М. Абрамзона, Г. П. Васильевой, М. П. Грязнова, Б. Х. Кармышевой, С. В. Киселева, А. П. Окладникова и др. ученых – историков, этнографов и фольклористов. Еще Н. И. Кравцов утверждал, что эпос – не поэтическая обработка сказания, а особый путь сохранения исторической действительности в народной памяти [7, с. 18]. Об историзме фольклора писали также Л. С. Толстова, В. В. Пименев и Т. Б. Долгих. Если С. Я. Серов и Р. С. Липец с большим огорчением писали, что этой важной проблемой занимаются лишь этнографы и археологи [8, с. 127], то А. Л. Налепин утверждал, что «преувеличение роли фольклора, как исторического источника, – ошибка менее значительная, чем недооценка его исторической сущности» [4, с. 50]. Все эти мысли проливают свет и на данную научную проблематику.

Какова связь казахского героического эпоса с этническим процессом? Какова степень устойчивости этнонимов в героическом эпосе? К какой категории исторических источников можно причислить героический эпос? Все эти вопросы нуждаются в пристальном изучении. Время, когда эпос был объектом лишь поэтического изучения, прошло. Всплывают новые проблемы эпосоведения, связанные с этнической природой героического эпоса. Это та самая проблема, которая осталась вне поля зрения ведущих русских фольклористов XX века.

Представители историко-сравнительного метода в некоторой степени затрагивали вопрос об историзме эпоса. Однако они ограничивались изучением процесса становления поэтики, то есть художественной системы, минуя при этом сам исторический процесс. Такие понятия,

как «эпическая эпоха», «эпическое сознание», «эпическое время», столь часто применяемые сторонниками поэтического направления, нуждаются в дополнительном научном обосновании. К какому типу исторической формации или общественного сознания они могут быть отнесены? Этими понятиями оперируют не представители этнографии и этнологии, а фольклористы, рассматривающие эпос в отрыве от этнической истории племён.

Опираясь на вышеизложенное, мы считаем, что многие эпические жанры, в том числе и казахский героический эпос, создаются по следам исторических событий под непосредственным воздействием этнического процесса. «Предания, легенды и эпос – сокровищница, откуда народ в течении веков и тысячелетий черпал знания в области истории – своей и окружающего мира» [9, с. 8]. Однако эти теоретические постулаты мало привлекали наших фольклористов, столь увлечённых поэтикой казахского эпоса. Создаётся впечатление, что фольклористы идут по инерции советского эпосоведения 1960–1970-х гг. При этом мало учитываются как особенности эпической традиции казахского народа, так и формы бытования эпических жанров.

Эпическая традиция ценна тем, что сохраняет огромное количество сведений этногеографического характера. Среди них этнонимы – *огуз, кипчак, кият, коньрат*, антропонимы – *Коркыт, Казан, Бамсы-Бейрек, Аруз, Алтамыс, Кобыланды, Ер Таргын*, топонимы – *Баршын, Байсын, Караспан* и т. д., которые несут определённую историко-этническую и этногеографическую информацию.

Географическое распространение эпоса – признак этнический. Достаточно указать на то, что казахский эпос бурно развивался на территории Западного и Южного Казахстана. Это связано с тем, что процесс формирования казахской народности, охвативший период с XIV по XVIII вв., происходил в среде огузо-кипчакского, ногайлинского улусов в рамках государства кочевых узбеков и Моголистана.

В героических сказаниях немало сведений и о более ранних событиях – отголосках этнической истории древнетюркских племён. Глубина отражения исторического прошлого зависит от возникновения самой эпической традиции. Это касается и мелоса – музыкальной речитации. Поэтому для определения этнической сущности эпоса необходимо изучить не только сюжет и традиционные мотивы, но и функциональное значение, семантические свойства музыкального напева. Какую смысловую нагрузку несёт та или иная интонация? Какой напев представляет собой наиболее древний пласт, а какой является наслоением? Какой стиль лежит в основе определенного эпического сказительства? Что общего между различными проявлениями музыкально-эпической традиции? Отдельные стороны этой проблемы мы пытались осветить в другой работе [10].

Результаты и обсуждения

Можно утверждать, что для современного эпосоведения односторонне поэтическое изучение – пройденный путь. Мы полностью солидарны с мнением, что «негативизм по отношению к использованию фольклора в качестве исторического источника, [нередко проявляемый прежде всего фольклористами], обедняет возможности восстановления этногенеза и этнической истории, древних общественных отношений и культуры народов мира» [8, с. 9].

Всё это наводит на мысль: какие категории научного познания приемлемы для изучения героического характера казахского эпоса? Известно, что фольклор – показатель коллективного, а литература – индивидуального сознания. Если к этой проблеме подойти с позиции этнологии, она будет означать следующее: коллективное сознание – явление *этническое*, а индивидуальное – *поэтическое*. Следовательно, эпическое сознание – явление художественное, категория эстетическая. Оно не может заменить этническое сознание и процесс, которые являются основным, определяющим показателем принадлежности эпического сказания к какому-либо этносу. Здесь же обнаруживается научное заблуждение, рассматривающее фольклор с позиции индивидуального сознания, то есть в качестве литературного произведения.

Достижения науки последних десятилетий позволяют нам говорить, что «многое из того, что прежде безоговорочно признавалось явлением эпической идеализации, находит подтверждение в реалиях материальной культуры, в традиционных воззрениях изучаемых народов» [8, с. 3]. Освещая методологические аспекты этой проблемы, Л. И. Емельянов писал следующее: «Мы имеем в виду проблему историзма и прежде всего тот её аспект, который

предусматривает изучение отношения фольклора к реальной действительности, к конкретным событиям и фактам национальной истории» [11, с. 9]. Эти суждения в полной мере относятся и к казахской фольклористике.

Мы часто ограничиваемся суждением, будто героический эпос не освещает конкретные исторические события, что в нём трудно обнаружить историческую хронологию, линейный отсчёт времени. Однако эпос возникает, пусть даже не по горячим, но всё же по следам этнического процесса. Он подвижен там, где функционирует эпическая традиция, основанная на этническом сознании и самосознании племён. К тому же эпос, как народная память, не в состоянии, да и не должен освещать все мельчайшие подробности исторических событий. В нём откладываются основные моменты этнического процесса, как, например, борьба кипчаков с кызылбасами, коньратов с калмыками, то есть одних коренных этнических групп с чужеземцами.

И хотя этнонимы, встречающиеся в казахском эпосе, принадлежат к различным отрезкам исторического времени и представляют собой стадийное явление, на основе ономастических наименований – этнонимов, топонимов и антропонимов, а также путём умелого снятия различных пластов, всё же можно проследить отдельные эпизоды прошлой эпохи. Степень устойчивости этнических данных в эпосе всецело зависит от уровня и активности этнического сознания. Там, где функционирует эпическая традиция, доминирует самосознание народа, невозможны изменения этнического характера.

Героический эпос, по выражению Л. Н. Гумилева, это плод мемориальной фазы этнического процесса. Это означает, что этнический характер героического эпоса нельзя выводить из его художественной системы. Это та самая методологическая ошибка, которая привела к отрыву эпоса от этнической истории племён.

С теоретико-познавательной позиции этническое сознание – явление этнографическое, а поэтическое – эстетическое. Иначе говоря, историко-этнический процесс есть явление первичное, а художественно-эстетическое обобщение – вторичное. Эти категории свойственны различным стадиям научно-теоретического изучения эпоса. Лишь при таком подходе эпосоведение может опереться на крепкие основы научного познания.

Этническое сознание – осознанное бытие какого-либо этнического объединения: рода или племени [12, с. 101]. Оно проявляется в эпосе как социально-информационное сознание с его познавательными свойствами. С позиции теории познания сознание – знание, без которого нет и самосознания [12, с. 103]. Это говорит о том, что мы при изучении героического эпоса упускаем самое важное – уровень знания отдельных родоплеменных объединений. Поздний Б. Н. Путилов весьма близко подошёл к этой проблеме, несмотря на то, что долгие годы увлекался поэтикой героического эпоса [13].

Для достижения научной истины немаловажное значение имеет так называемое социальное сознание, основная функция которого заключается в квантовании деловой и умственной практики старшего поколения [14, с. 63].

Социальная память, которая, наряду с сохранением различной информации, может фиксировать и оценку этих явлений, бывает неполной, фрагментарной. Поэтому его отражение в эпосе может иметь различную форму и состояние.

Заключение

Этническая природа казахского героического эпоса – явление самобытное. Это трудно наблюдать в былинах, где встречаются ойкономические наименования, свидетельствующие о другом уровне эпического мышления, следовательно, о другой стадии общественного сознания. Познавательную природу казахского героического эпоса можно показать в следующей схеме:

В этой связи необходимо уточнить теоретические аспекты эстетического и этнического изучения эпоса, ибо поэтика представляет собой синхронное, а историзм – диахронное изучение. Они составляют две разные сферы эпосоведения. При синхронном изучении эпоса применяется типологический метод, а при диахронном – этнологический. Это позволяет нам говорить об этническом характере героического эпоса.

На основе вышеизложенного можно утверждать, что героический эпос, в отличие от других жанров фольклора, возникает по следам этнической истории. Формула этой научной теории такова: без этноса нет героического эпоса, а без этнического процесса – эпической традиции.

Литература

1. Кобыратбай Т. А. К методологии изучения этнического характера героического эпоса // Вестник Северо-Восточного федерального университета. Серия Эпосоведение. – 2020. – № 1. – С. 5–22.
2. Эткинд А. М. Новый историзм, русская версия // Новое литературное обозрение. – 2001. – № 1. – С. 7–12.
3. Путилов Б. Н. Героический эпос и действительность. – Ленинград : Наука, 1988. – 224 с.
4. Фольклор. Проблемы историзма / ответственный редактор В. М. Гацак. – Москва : Наука, 1988. – 295 с.
5. [A. Definition of folklore] // NIF Newsletter, № 1 / editor Lauri Honko. – Turku : Nordic institute of folklore, 1987. – P. 8. (На англ. яз.)
6. Алем. Литературно-художественный и общественно-политический альманах Главной редакционной коллегии по переводу и литературным взаимосвязям при СП Казахстана / главный редактор А. Сейдимбеков. – Алматы : Санат, 1991. – 494 с.
7. Кравцов Н. И. Сербский эпос и история // Советская этнография. – 1948. – № 3. – С. 17–22.
8. Этническая история и фольклор / ответственный редактор Р. С. Липец. – Москва : Наука, 1977. – 258 с.
9. Толстова Л. С. Использование фольклора при изучении этногенеза и этнокультурных связей народов (на среднеазиатском материале) // Фольклор и историческая этнография / ответственный редактор Р. С. Липец. – Москва : Наука, 1983. – С. 6–22.
10. Кобыратбай Т. А. Эпос и этнос. – Алматы : Наука, 2000. – 268 с.
11. Емельянов Л. И. Методологические вопросы фольклористики. – Ленинград : Наука, 1978. – 206 с.
12. Алексеев П. В., Панин А. В. Теория познания и диалектика. – Москва : Высшая школа, 1991. – 383 с.
13. Путилов Б. Н. Экскурсы в теорию и историю славянского эпоса. – Санкт-Петербург : Петербургское востоковедение, 1999. – 288 с.
14. Методология истории : учебное пособие для студентов вузов / под редакцией А. Н. Алпеева. – Минск : ТетраСистемс, 1996. – 240 с.

References

1. Kongyratbay T. A. To the methodology for studying the ethnic nature of the heroic epic. *Vestnik of North-Eastern Federal University. Series Epic studies*. 2020, no. 1, pp. 5–22. DOI 10.25587/SVFU.2020.17.58362. (In Russ.)
2. Etkind A. M. New historicism, Russian version. *Novoe literaturnoe obozrenie*. 2001, no. 1, pp. 7–12. (In Russ.)
3. Putilov B. N. Heroic epic and reality. Leningrad, Nauka Publ., 1988, 224 p. (In Russ.)
4. Folklore. The problems of historicism. Ed. V. M. Gatsak. Moscow, Nauka Publ., 1988, 295 p. (In Russ.)
5. [A. Definition of folklore]. In: NIF Newsletter, № 1. Ed. Lauri Honko. Turku, Nordic institute of folklore Publ., 1987, p. 8.
6. Alem. Fiction and socio-political almanac of the Main Editorial Board for translation and literary interrelationships of Kazakhstan. Almaty, Sanat Publ., 1991, 494 p. (In Russ.)
7. Kravtsov N. I. Serbian epic and history. *Soviet ethnography*. 1948, no. 3, pp.17–22. (In Russ.)
8. Ethnic history and folklore. Ed. R. S. Lipets. Moscow, Nauka Publ., 1977, 258 p. (In Russ.)
9. Tolstova L. S. The use of folklore in the study of ethnogenesis and ethnocultural ties of peoples (on Central Asian material). In: Folklore and historical ethnography. Ed. R. S. Lipets. Moscow, Nauka Publ., 1983, pp. 6–22. (In Russ.)
10. Kongyratbay T. A. Epic and ethnos. Almaty, Nauka Publ., 2000, 268 p. (In Russ.)
11. Emelyanov L. I. Methodological issues of folklore. Leningrad, Nauka Publ., 1978, 206 p. (In Russ.)
12. Alekseev P. V., Panin A. V. Theory of knowledge and dialectics. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1991, 383 p. (In Russ.)
13. Putilov B. N. Excursions in the theory and history of the Slavic epic. Saint Petersburg, Peterburgskoe vostokovedenie Publ., 1999, 288 p. (In Russ.)
14. History methodology. Textbook for university students. Ed. A. N. Alpeev. Minsk, TetraSystems Publ., 1996, 240 p. (In Russ.)